

Традиционные черты в современной похоронно-поминальной обрядности у оленеводов ачайваямской группы

ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА ГОРБАЧЕВА

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

Кандидат исторических наук, заведующая отделом этнографии народов Сибири и Дальнего Востока
e-mail: valentinagor@yandex.ru

В статье рассматриваются похоронно-поминальные обряды и архаические их элементы, зафиксированные автором в 2002 и 2005 гг. у оленеводов пос. Ачайваям Корякского автономного округа (ныне — Корякский округ Камчатского края).

Ключевые слова: духовная культура, традиция, похоронные и поминальные обряды, архаические элементы, локальная группа, олень, оленеводы, похоронная одежда, потусторонний мир, предки, реинкарнация.

UDC 393.05

Traditions Extant in Today's Funeral-and-Wake Rites Used by Reindeer Herders in Achaivayam

VALENTINA V. GORBACHEVA, PhD (History)

Head, Department of Ethnography of the Peoples of Siberia and the Russian Far East,
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
e-mail: valentinagor@yandex.ru

The article describes the funeral-and-wake ceremonies involving certain archaic elements, which the writer recorded in 2002 and 2005 in the reindeer herders' locality named Achaivayam in the Koriak Autonomous Area (at present known as the Koriak Area of the Kamchatka Territory).

Key words: spiritual culture, tradition, funeral and remembrance ceremonies, archaic elements, a local group, reindeer herder, funeral clothes, the next world, ancestors, reincarnation.

Духовная культура коренных малочисленных народов Северо-Востока Сибири, проживающих в экстремальных условиях, всегда была притягательным объектом научного исследования для этнологов, археологов и культурологов. Наибольший интерес в плане изучения представляют обряды перехода. Как важнейший социальный регулятор жизнедеятельности коллектива они сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Самыми консервативными из них были и остаются похоронно-поминальные обряды, для которых в значительной степени характерно сохранение многих архаических элементов. Подтверждением этого являются полевые материалы, собранные авто-

ром во время экспедиций осенью 2002 и зимой 2005 г. в поселке Ачайваям Олюторского района Корякского автономного округа в рамках программы совместного российско-французского проекта «Этно-Олень». Интерес к этой тематике у участников данного проекта, французских археологов Клаудин Карлин и Сильвии Бейри, был связан с научной реконструкцией археологических памятников населения эпохи палеолита, в культуре которого олень занимал важное место.

Северная часть полуострова Камчатки, где расположен поселок Ачайваям, в конце XVI — начале XVII в., еще до прихода русских землепроходцев, была зоной формирования у коря-

ков пастушеского оленеводства. Расселенные на обширной территории оленные коряки представляли, в отличие от оседлых представителей данного этноса, определенное языковое, хозяйственно-бытовое и культурное единство.

К началу XX в. оленные коряки Анадырской округи кочевали в южной ее части по северному склону Палпальского хребта. Причем они, так же, как и коряки Апукинского рода, кочевали по Палпальскому хребту вместе с чукчами. Тесное соприкосновение чукчей и коряков способствовало их взаимной ассимиляции и формированию локальных групп оленеводов. К таким группам можно отнести оленеводов, кочевавших в верховьях рек Апуки, Ачайваямы и Пахачи. В официальных документах (похозяйственных книгах, материалах переписи), составленных не этнографами, население данной территории названо чукчами. Это название нашло отражение и при оформлении паспортов. Определенную роль в этом сыграли воспоминания людей старшего поколения об имевшихся в роду чукчах и общее самоназвание оленных чукчей и коряков — *чав'чу* (дословно — «олeneвод, богатый оленями», «состоящий при оленях»). Отличительной особенностью подобных групп было сочетание в языке, в материальной и духовной культурах, в том числе в похоронно-поминальном обрядности коряжских и чукотских элементов. Во время экспедиции 2005 г. мне удалось присутствовать на похоронах трех жителей пос. Ачайваям: Анатолия Сергеевича Нутанкова, Зои Петровны Вувуны и Романа Васильевича Альхи. Причиной смерти первого, молодого 39-тилетнего мужчины, был несчастный случай. Двое других, люди пенсионного возраста, умерли после тяжелых онкологических заболеваний.

Основными виновниками болезни и, соответственно, смерти от нее ачайваямцы, так же, как оленные коряки и чукчи, считали злых духов *калав'*, которые, проникнув в человека, «разъедали его внутренности». В связи с этим тяжелобольные люди, особенно старики, предпочитали в прошлом смерти от болезни насильственную, так называемую «добровольную смерть». Лишая себя жизни, больной освобождался, как верили ачайваямские оленеводы, от злого существа, которое хотело его убить. Непосредственным исполнителем обряда «добровольной смерти» мог быть сам больной или другой человек, которому поручали нанести ножом или копьём смертельный удар.

Согласно представлениям жителей пос. Ачайваям, с момента произнесения человеком пожелания умереть «добровольной смертью» оно обретало силу, и поэтому изъяснившийся

желание уйти из жизни таким способом уже не мог отказаться от него. В противном случае, как говорили информанты, начинался процесс «перекидывания» — это означало, что он/она выживали за счет других. «Перекидывая себя снова на землю», отказавшись от своих слов не только не давали умершим родственникам «возродиться» в новорожденном, но «перекидывали» свои болезни на ближайших родственников, особенно представителей младшего поколения, которые начинали болеть и умирали преждевременно.

Возможность ухода из земной жизни таким способом до сих пор сохраняется в сознании жителей поселка. За несколько дней до кончины страдавший от сильных болей в желудке Р.В. Альха попросил своего друга помочь ему в «добровольной смерти». Но тот не согласился и сказал больному: «Сейчас время другое». Больной в течение 8 дней отказывался от пищи, что ускорило его смерть.

Сохраняющиеся представления о злых духах — виновниках болезней нашли отражение в похоронно-поминальном обряде населения пос. Ачайваям. Голову умершего кто-либо из родственников держал у себя на коленях, пока о случившемся оповещали всех жителей поселка, а также оленеводов, находящихся в тундре. При получении известия о смерти все население и в первую очередь родственники покойника обязательно соблюдали предохранительные меры. Перед входом в жилище умершего разжигали костер, который поддерживали вплоть до похорон. Дымом от костра «очищались» все, кто выходил из этого дома. Женщины-хозяйки семей втыкали около домашнего очага (по бокам и напротив входа) три веточки карликовой березы или ольхи. Веточки ставили также внутри жилища по бокам от входа/выхода. Чтобы дух покойника не причинил вред маленьким детям, матери или бабушки брали их на руки.

Умершего человека ачайваямские оленеводы не только в тундре, но и в поселке помещали на оленью шкуру, которую ранее использовали как постель. В прошлом, когда жили в ярангах, покойника укладывали на месте спального полога, который предварительно снимали. Шкура, служившая при жизни постелью, стелилась под покойника мездровой стороной наверх, чтобы в потустороннем мире он спал на ворсистой части. Умершего полностью раздевали и укладывали головой к выходу — к его «дороге». Сверху накрывали шкурой оленя мехом наверх (когда жили в тундре) или байковым одеялом (когда находились в поселке). Голову обязательно закры-

вали так, чтобы она не была видна: иначе, глядя на живых, покойник мог забрать кого-нибудь с собой. Поверх покрывала на грудь клали один небольшой камешек, «чтобы умерший успокоился», особенно, если он рано ушел из жизни. Рядом с камешком находилось *г'ытг'ыңыйчунэң* (буквально — «орудие, отстраняющее собаку»), сделанное из двух тонких палочек длиной около 10 см, сложенных крестообразно и перевязанных в месте соединения ремешком, травой или красной нитью. В том случае, если кто-то из пришедших в дом просил показать лицо умершего, то это делали только днем и с согласия пожилых женщин, приподнимая край одеяла на очень короткое время

В жилище покойник лежал не более трех дней. Сроки нахождения в доме уменьшались в случае смерти стариков, тяжелобольных и детей. Пожилых людей, особенно очень старых, умерших от тяжелой и продолжительной болезни, хоронили раньше, поскольку полагали, что они устали находиться на этом свете, а детей — потому, что они жили недолго.

Ночью, в течение всего времени, пока покойник (или покойница) находились в жилище, спать строго запрещалось. Рядом с ним круглосуточно сидели дальние родственники, чаще всего люди среднего и старшего возраста. Днем некоторые из них могли полежать и даже поспать.

Покойника посещали не только жители селения или стойбища (в тундре), но и приезжие, которые оказались в это время в данном населенном пункте. Пришедшие должны были обязательно принести что-нибудь умершему. В основном это были сигареты, папиросы и заварка чая, которые укладывали поверх покрывала на грудь или живот покойника. Подойдя к умершему, брали крестообразное *г'ытг'ыңыйчунэң* и, подвигав над его телом, могли «поговорить» с ним, рассказать другим о нем и его жизни. С умершим обращались, как с живым человеком. Когда хозяйка и гости садились принимать пищу, ему в изголовье ставили миску с небольшим количеством еды и чашку горячего чая, который по мере остывания меняли. Положенные в качестве даров пачки с папиросами и сигаретами любой из присутствующих мог открыть. Можно было и закурить, но при этом следили, чтобы забиралось не все. Люди среднего и особенно пожилого возраста употребляли сухие грибы мухоморы, при помощи которых, как говорили информанты, они могли общаться, особенно в эти дни, с предками. Если при жизни умерший употреблял мухоморы, то ему обязательно оставляли немного.

Покойник считался участником различных игр и «собеседником» всех разговоров присутствующих. Плакать в эти дни категорически запрещалось, и пришедшие в дом вели себя так, будто бы ничего плохого не произошло. Традиционные игры, характерные в прошлом для похорон, в настоящее время практически не сохранились. Наиболее распространенной остается игра в карты, так называемая «в дурачка». При этом играют преимущественно новыми картами, а для умершего раскладывают карты на одеяле или покрывале, которым он накрыт. Открывает и играет его картами один из участников игры, сидящий рядом. Строго запрещается играть в карты на деньги, и люди старшего поколения очень осуждают тех, кто нарушает это условие.

В то время как мужчины и молодежь «развлекают» покойного, женщины шьют похоронную одежду, если она не была приготовлена заранее. Неожиданно умерший в пос. Ачайваям А.С. Нутанковав не имел такой одежды и в течение двух дней ее коллективно готовили девять женщин, состоящих с ним в разной степени родства. Совместное шитье возможно только при изготовлении погребальной одежды непосредственно перед похоронами. В повседневной жизни это категорически запрещается. При изготовлении похоронной одежды для А.С. Нутанковава каждая из девяти женщин выполняла конкретную работу: одна шила кухлянку, другая — штаны, третья — обувь, четвертая — рукавицы, пятая — сумочки и т. д. Изготовленные тут же сухожильные нитки раскладывали поверх покрывала, которым был закрыт покойник. Здесь же держали ножницы, иголки и другие необходимые для шитья предметы.

Но в основном население пос. Ачайваям, так же, как коряки и чукчи, «чтобы удлинить жизнь», готовили похоронную, так называемую «смертную» одежду, заранее, причем на протяжении многих лет. Правда, хранилась она в незаконченном виде, так как верили, что человек, имеющий готовую погребальную одежду, умрет раньше. В сшитой заранее верхней наплечной одежде — кухлянке — частично или полностью отсутствовала опушка из собачьего меха на капюшоне, рукавах и подоле. Не пришивались нагрудник из камуса, предназначенный для закрытия лица, и ремешки к капюшону, которыми он спереди завязывался. На рукавах, груди и спине кухлянки отсутствовали украшения — *йыг'ылгын/йиг'ылгын*, символизирующие луну, различные подвески и ряд других мелких украшений. Погребальная обувь чаще всего не имела подошвы. В том случае, если подошва была пришита, то на ней делали

ножом или шилом маленькие проколы. Делалось это, по словам информантов, для того, чтобы владелец приготовленной заранее погребальной обуви не болел и оставался здоровым. Прокалывали подошву или, точнее, как говорили ачайваямцы, «забивали подошву» на такой обуви ножом, причем только на улице.

Женщину, занимающуюся изготовлением похоронной одежды для себя или своих живых родственников, никто не должен был видеть. В случае нарушения этого запрета один из членов ее семьи, согласно представлениям, мог умереть. Поэтому погребальную одежду старались шить в то время, когда в жилище никого не было. Шили ее только в первой половине дня, так как выполнение этой работы позднее, а особенно во время захода солнца, приводило, по мнению населения, к утрате зрения. При шитье женщины строго следили за направлением иглы. Оно было противоположно тому, когда шили повседневную и праздничную одежду для живых людей.

Для погребальной одежды использовали только шкуры неблюев — молодых оленей августовского забоя, принадлежавших умершему. В настоящее время, когда даже в этом оленеводческом регионе количество оленей, в том числе и личных сократилось, обычно заимствуют оленьи шкуры у ближайших родственников. Наличие в погребальной одежде даже небольшого куска оленьей шкуры, принадлежащей чужим людям, могло привести, по всеобщему мнению населения, к утрате умершим в потустороннем мире этой одежды. Учитывался также и цвет шкур, используемых для мужской и женской одежды. По возможности старались использовать белые, светлые с небольшими темными пятнами, а иногда и светло-коричневые шкуры оленя. Внутренняя сторона шкуры окрашивалась раствором из коры ольхи один или два раза, в то время как для одежды живых — четыре и более раз.

Немаловажным фактором того, что погребальную одежду шили заранее, помимо представлений населения об «удлинении жизни», возможно, являлось наличие ограниченного количества оленей белой масти в домашнем стаде. Поэтому шкуры белого (светлого) цвета заготавливали постепенно. Были случаи, что для «смертной одежды» ачайваямские оленеводы использовали белые шкуры диких оленей или шкуры горного барана. Тогда эти шкуры слегка прокалывали ножом, как бы убивали в них дикость и приближали к шкурам домашних оленей. Делалось это для того, «чтобы не исчезла («не убежала») одежда из этих шкур, как убегают дикие олени и горные бараны».

Традиция использования белых, светло-серых и белых с небольшими темно-коричневыми пятнами шкур оленя для похоронной одежды, особенно кухлянки, сохраняется до сегодняшнего дня. В первую очередь это относится к людям, владевшим достаточным количеством личных домашних оленей. Таким в пос. Ачайваям был Р.В. Альха, который имел семьдесят оленей.

Погребальная одежда отличалась от повседневной и праздничной. Капюшон, верхняя часть спины и рукава наплечной одежды — кухлянки — выкраивались из одной шкуры оленя. Несмотря на то, что кухлянка была верхняя и одинарная, она обязательно имела нагрудник. Передняя часть подола делалась значительно длиннее задней. К подолу пришивалась широкая кайма — *оn'ван/ыпв'ан* — с геометрическим орнаментом (прямоугольники, квадраты, вертикальные полосы), выполненным в технике меховой мозаики.

Яркой отличительной особенностью погребальной кухлянки было наличие сзади на подоле своеобразного удлинения *нойцын* (дословно — «хвост»), являющегося, чаще всего, составной частью широкой декоративной полосы подола *оn'ван*. Наличие такого «хвоста» на погребальной одежде информанты пожилого возраста считали не случайным. Они были уверены в том, что, во-первых, по пути в потусторонний мир умерший обязательно преодолевал водную преграду. Когда он присаживался, чтобы зачерпнуть ковшом воду для питья, то наступал ногой на удлинения *нойцын*, чтобы не упасть в воду (реку). Во-вторых, как только покойник достигал потустороннего мира, его встречал старейший предок. Он брался за это удлинение на кухлянке, за ним выстраивались «цепочкой» другие родственники и, танцуя, они как бы приобщали вновь прибывшего к своему социуму.

Особое внимание уделялось украшению теменной и верхней части капюшона мужской погребальной кухлянки. Капюшоны одежды Р.В. Альхи и А.С. Нутанковава были декорированы прямолинейным геометрическим орнаментом (квадраты, полосы, прямоугольники), выполненным в технике меховой мозаики.

Погребальные штаны и обувь обоих умерших мужчин отличались от тех, которые они носили при жизни. Согласно традиции штаны были сшиты из тонких шкур молодых оленей августовского забоя (неблюя), но уже не белого, а темно-серого цвета для Р.В. Альхи и черного с белым — для А.С. Нутанковава. Штаны были более длинные, а голенища обуви — короткие. Такой тип штанов и обуви, по словам

информантов, удобен при состязании в беге, которое устраивается в потустороннем мире для вновь прибывшего. Особенностью погребальных штанов было отсутствие на поясе и в нижней части штанов сложной вдвое и пришитой полосы ровдуги с сухожильной веревкой. В этих местах шкуру ровно обрезали, делали, чуть отступив от края, вертикальные надрезы и в них вставляли кожаные ремешки для закрепления штанов.

Женский погребальный комбинезон — *нав'кэй* — отличался от повседневного и праздничного тем, что всегда был только верхний, то есть мехом наружу, имел более глубокие вырезы на груди и спине, широкие рукава и обилие декора. Погребальным комбинезоном для умершей Зои Петровны Вувуны, почти утратившей своих оленей, стал верхний комбинезон из светло-коричневых шкур, который она носила ранее. Но у него срезали все узелки на сухожильных нитках, которыми он был сшит, обрезали двойную полосу на штанинах, увеличили вырез горловины и пришили к нему опушку из полосы собачьего меха. Ряд изменений был внесен и в окрашенную снаружи раствором из коры ольхи кухлянку, которая была также слегка поношена. Капюшон кухлянки был слегка расширен, узелки на сухожильных нитках обрезаны, к краям подола, рукавам и капюшону пришита опушка из меха собаки. Погребальная обувь покойницы, сшитая из белого и коричневого камуса, также была ранее в употреблении. В отличие от мужской она оставалась длиной до колен и не имела никаких декоративных украшений. Элементом декора являлся камус оленя двух цветов. Подошва обуви была оставлена прежняя — из шкуры лахтака.

В комплект мужской и женской погребальной одежды, помимо обуви, входили рукавицы. Шили их всегда не из камуса, как для живых, а из шкуры молодого оленя (неблюя) белого и светло-серого цветов. Ближе к запястью пришивали ремешки из ровдуги для закрепления рукавиц на руках.

Обязательной частью мужского и женского погребального костюма ачайваямцев были пояса из выделанной кожи нерпы или ровдуги, украшенные вышивкой бисером белого, черного и синего цветов. Но все-таки «для облегчения дороги» в потусторонний мир предпочитали «легкие» пояса, украшенные меховой мозаикой. Кроме того, для умерших делали специальные повязки из кожи нерпы, к которым пришивали маленькие кружки из бисера или несколько бисеринок белого и черного цветов. Надевали эти повязки под коленом поверх шта-

нов или комбинезона «для облегчения дороги покойнику, которому придется, как говорили жители, добираться до потустороннего мира пешком».

Несмотря на то, что погребальная одежда отличалась богатством украшений и разнообразием декоративных приемов, шили ее крупным некрасивым швом, полагая, что в мире покойников он превратится в мелкий и красивый. Узелков на сухожильной нитке не делали, и об этом знающие женщины постоянно напоминали тем, кто участвовал в изготовлении одежды для А.С. Нутанковава. Если в качестве погребальной использовали поношенную одежду, то узелки с сухожильных ниток, как уже упоминалось, обязательно срезали. Кроме того, на одежде, бывшей в употреблении, меняли опушку из меха выдры на подоле, рукавах и капюшоне. На смертной кухлянке должна быть опушка только из меха собаки, причем белого или светло-серого цвета, иногда с небольшими светло-коричневыми вкраплениями. У поношенной обуви вырезали старую подошву из шкуры нерпы или лахтака и пришивали новую, вырезанную из дымленины — шкуры от покрышки яранги. Если же оставляли старую, как это было на погребальной обуви Светланы Петровны Вувуны, то подошву слегка срезали. У ачайваямских оленеводов практиковалось также ношение людьми сшитой для них еще при жизни погребальной одежды, не имеющей завершающих деталей и украшений. Объяснялось это представлениями о том, что в потустороннем мире все по-другому и слегка поношенная при жизни одежда будет там новой, а не старой.

С погребальной одеждой у ачайваямских оленеводов связан целый ряд запретов: ее нельзя дарить, продавать, а тем более надевать на другого умершего. Они уверены в том, что чужая одежда в потустороннем мире будет снята ее истинным владельцем, то есть тем, кому она предназначалась. Исключением являлись ближайшие родственники, не имевшие на момент смерти погребальной одежды, причем только тогда, когда, в очень редких случаях, не было возможности сшить для них смертную одежду.

Готовую погребальную одежду, сложенную в ногах покойника, надевали на него только рано утром в день похорон, как только к дому подъезжал транспорт. До этого момента покойника одевать не могли, «чтобы он не ушел». Чаще всего покойника «готовили в дальнюю дорогу» 5—6 женщин разной степени родства. Но были случаи, когда умершего юношу одевали родственницы-одногодки под наблюдением

нием пожилой женщины. Перед тем как приступить к одеванию, садились «пить чай с умершим», наливая немного и ему. В это же время две женщины, игравшие важнейшую роль в похоронном обряде, надевали поверх своей одежды сплетенные косичкой травяные повязки. Старшая из них имела пояс и по повязке на каждой руке, а младшая, менее опытная — одну повязку на левой руке. Затем они садились по обе стороны от покойника и сидели, не произнося ни слова.

В процессе одевания строго соблюдались определенные правила. Тот, кто участвовал в этом, брал в рот пучок травы, чтобы «болезнь умершего не перешла на него». На голое тело покойника несколько человек одновременно надевали только верхнюю, одинарную одежду. На мужчину две женщины надевали штаны и обувь, другие две — кухлянку с капюшоном и последние две — рукавицы. Умершую одевали в одинарный комбинезон мехом наружу, обувь и кухлянку. Рукава комбинезона одевали сначала на правую, а не на левую руку, как это обычно делали при жизни. Обувь и рукавицы на всех умерших надевали наоборот, правую на левую, а левую — на правую. В обувь клали не пучок травы, служивший при жизни стелькой, а одну или две травинки, которые ее символизировали. Ремешки для закрепления обуви, пришитые по обе стороны стопы ближе к пятке, завязывали сзади. Живые люди закрепляли обувь на ноге иначе: сначала два кожаных ремешка перекрещивали над пяткой, затем спереди перекрещивали на подъеме и окончательно завязывали сзади. При надевании рукавиц женщины следили за тем, чтобы рука покойника не была сжата в кулак: считалось, что сжатый кулак покойного указывал на его нежелание расстаться с той, которая его одевает, и что он намерен взять ее с собой. Здесь на помощь одевавшей приходили опытные пожилые женщины: обращаясь к покойному, они уговаривали его изменить свое намерение и не забирать эту женщину с собой.

Своеобразные правила распространялись на прически и украшения покойницы. Косы умершей С.П. Вууны переплели, укладывая не вперед, как живым, а назад. Серьги из белого и голубого бисера поменяли местами, то есть серьгу из мочки левого уха вставили в мочку правого уха, а из правого — в левое.

Важным было и то, что при одевании покойника или покойницы покрывало, меховое одеяло или шкуру оленя, которыми умершие были накрыты, сдвигали постепенно, по мере надевания погребальной одежды. То есть старались делать так, чтобы не было видно ни одной части

обнаженного тела или лица. Перед надеванием капюшона кухлянки на голову лицо покойника закрывали меховым нагрудником, а затем плотно завязывали ремешки из выделанной шкуры оленя, пришитые к капюшону. С закрытием лица покойник, как считали коряки, отворачивался от земного мира; он принадлежал уже миру потустороннему.

Заботясь о покойнике любого пола, строго следили за тем, чтобы одеты были специальные повязки под коленом и орнаментированный кожаный пояс. За пояс (с левой, а не с правой стороны, как это делали живые люди) вставляли заточенный нож в ножнах, ковш для питья воды и посох *очимңын* высотой около 40 см. Обмотка кожаным ремешком, которую делали на нижнем конце посоха, «облегчала умершему дорогу по скользкой почве», а звон колокольчика, привязанного к верхнему концу посоха, «сообщал жителям потустороннего мира о приближении нового поселенца». Кроме того, к поясу прикрепляли полоску выделанной шкуры оленя, окрашенную в кирпичный цвет раствором коры ольхи и разрезанную вдоль (до половины) на несколько ремешков. К каждому ремешку, украшенному бусиной черного цвета, были привязаны маленькие мешочки из шкуры оленя, украшенные бисером и бахромой, а также все, что необходимо было покойнику для продолжения жизни в новом мире. В мешочках находились: кремень, кресало, гнилушка дерева, спичка или серная головка, олений жир, «сера» от лиственницы, табак. Все это было в очень небольшом количестве (маленький кусочек или щепотка) и имело определенное назначение. Кроме того, к ремешкам привязывали металлическую модель снеговывивалки, белую эмалированную кружку, а для С.П. Вууны — еще и игольник с одной иглой.

При подборе необходимых покойнику предметов учитывалось «его желание». Когда «готовили в дальнюю дорогу» А.С. Нутанкову, женщина обнаружила у него в ногах среди погребальных предметов эмалированную кружку, отобранную заранее. Но к этому времени на ремешке уже была привязана другая эмалированная кружка с рисунком на поверхности. Женщина, нашедшая кружку, отложила ее в сторону и сказала: «Видимо, он не хочет взять эту кружку с другим рисунком». Пожелание Р.В. Альхи взять с собой вместо посоха *очимңын* копье выполнили, но короткое древко копья вставили за пояс с правой стороны. Чехол из тонкой белой шкуры оленя, закрывающий наконечник, был украшен геометрическим орнаментом, выполненным в технике меховой мозаики. К верхнему уголку чехла прикрепили

амулет в виде подвески *пиняк* из окрашенного в кирпичный цвет подшерстка нерпы (белька) и двух низок бисера белого, синего, черного цветов.

Обязательными для попадания умершего в потусторонний мир были крестик из двух связанных палочек, который лежал в течение двух дней на его груди, и жаберная косточка рыбы. Когда в день похорон «собирали в дорогу» А.С. Нутанковава, такой крестик на его груди не обнаружили, так как во время уборки положили его рядом с умершим. Пожилые и знающие обряд женщины среднего возраста сделали очень строгое внушение молодым, напомнив им о том, что рыбью косточку привязывают к правой руке умершего или вкладывают в рукавицу, надетую на его правую руку.

Все обрезки шкур, оставшиеся после шитья погребальной одежды, складывали в небольшой мешочек из шкуры оленя. Верхний край мешочка обязательно зашивали нитками из сухожилий медведя.

Пока женщины занимались одеванием и укладыванием сопроводительного инвентаря, мужчины готовили ремень для связывания умершего (умершей) и завязывали узлы на небольшом куске ремня. Количество узелков соответствовало числу родственников, включая и покойного. В том случае, когда учитывались родственники большой патриархальной семьи, то количество узелков соответствовало числу глав малых семей. Так, на ремешке у А.С. Нутанковава было завязано 20 узелков.

Как только умерший был одет, часть ремня с узелками отрезали, оставляя один кусок с узелком — *йымлатгынын*, указывающий на то, что покойник остался один. Если этого не делали до связывания покойника, то перед выносом тела обязаны были это сделать. После этого один из пяти мужчин, участвовавших в связывании, делал большую петлю из ремня, надевал ее через голову покойника с левой стороны, затем пропускал под правую руку, вокруг пояса и ног под коленями, в нижней части голени.

После надевания погребальной одежды и связывания покойника начиналось прощание с ним. В доме А.С. Нутанковава нас предупредили, что до начала этого обрядового действия мы должны надеть принесенные нам меховые кухлянки. Первыми подходили прощаться близкие родственники. Они перешагивали через тело и ударяли его сначала задником правой, а потом левой ноги, как бы отталкивая умершего от себя. При этом они произносили гортанно: «Ого! Ого! Ого! Ы! Ы! Ы!». Затем

брали из миски, стоящей в изголовье умершего, маленький кусочек мяса, проглатывали его, сразу же выходили из жилища и становились по обе стороны дорожки. Это действие повторяли все присутствующие в жилище.

Как только прощание заканчивалось, тело умершего выносили на оленьей шкуре, которая была под ним все дни до похорон. Его (ее) укладывали на пол тракторного прицепа и вокруг садились все, кто отправлялся дальше «проводить его в дальнюю дорогу». Раньше, когда личные олени находились поблизости, покойника укладывали на нарту и гаданием определяли оленей, которых владелец желал взять с собой. Для этого нарту с умершим, поставленную на два шеста от каркаса яранги, двигали взад-вперед. Как только скрип полозьев прекращался, оленей впрягали и везли покойника к месту похорон. Поэтому скрип от гусениц при движении трактора, на котором в настоящее время перевозят умерших жителей поселка к месту похорон, люди старшего поколения воспринимают, как не очень большое желание покойника ехать на данном транспорте. В тундре умерших до сих пор стараются перевозить на оленьей нарте.

Основным способом похорон у ачайваемских оленеводов является кремация. Происходит это чаще всего на сопке Шаманка, у ее подножия или недалеко от нее. Из трех умерших в пос. Ачайваем на Шаманке был кремирован А.С. Нутанковав, С.П. Вууна — справа в 500 метрах от сопки, со стороны поселка, а Р.В. Альха — слева.

Каждый раз по прибытии на место похорон умершего снимали с транспортного средства вместе с оленьей шкурой, на которой он лежал, и опускали на заснеженную землю. Слева и справа от него садились женщины с травяными повязками и родственники, в основном пожилого возраста. Женщины, сидевшие рядом с ним, разговаривали, пели свои личные песни и смеялись. Плакать в течение этих дней не разрешалось. Так же вели себя все приехавшие сюда.

Перед отъездом за дровами место кремации несколько раз опахивали гусеницами трактора, чтобы сохранить это место для данного покойника (покойницы) и не допустить, чтобы оно было занято злыми духами. До сооружения кострища здесь находились один-два человека. Так как в 2001 г. на Шаманке по неосторожности детей сгорела значительная часть кедрового стланика, который считается у ачайваемцев «настоящими дровами», заготавливать его мужчины ездили в другое место. Собранные дрова привозили через 40—45 минут. Помимо

кедрача использовались и другие дрова, в том числе сухостой с берега реки.

Сооружением погребального кострища *уйилкын* руководил старейший родственник покойного. Сначала на расстоянии 1—1,5 метра друг от друга были положены два ствола дерева средней толщины, которые символизировали полозья оленьей нарты. Под каждый ствол в центральной его части женщины клали отрезанный кусок ритуальной колбасы *зезят*, сделанной из четвертого оленьего желудка. Ее всегда использовали при бескровном жертвоприношении, здесь же она обозначала *яялгын* — вместилище будущего жилища покойника. В верхней части между стволами, немного за пределами кострища, укладывали три из пяти принесенных камней. Два из них назывались *пэнинэллылат* (дословно — «глаза предка»), один — *пэнинэлийкийзын* («рот предка»). При сооружении кострища (высотой до метра) соблюдались определенные правила. Толстые ветки располагали снаружи, а тонкие — внутри, чтобы во время горения покойник постепенно погружался внутрь кострища и кремация прошла бы быстрее. Качество укладки кострища проверял тот, кто руководил этим. Он поднимался на сооружение и, надавливая ногами, уточнял плотность уложенных дров.

Перед тем, как поднять покойника на подготовленное кострище, один из мужчин клал туда с ритуальной целью несколько тонких веток ольхи. Женщины же, сидящие рядом с умершим, открывали на короткое время его лицо. Иногда это делали во время заготовки мужчинами дров. При этом действия проверяли, открыты или закрыты глаза у покойника. Если глаза были открыты, считали, что кто-то должен умереть в ближайшее время, а если закрыты — новых покойников не ожидали. Затем ему говорили: «Прощайся с миром, иди и не оглядывайся, оставь нас, оставь нам счастье».

Во время укладки погребального костра для А.С. Нутанковава появилось девять черных *вóронов*, которые сели недалеко. Подобная ситуация повторилась через день, 13 февраля, при подготовке кострища для С.П. Вувуны. Я, намекая на *Вóрона* Куйкиняку — мифологического предка коряков, сказала об этом одной знающей традиции и обряды женщине, которая находилась рядом с умершим А.С. Нутанковавом. Она, указав рукой на двух женщин с травяными повязками, сказала: «Вот наши *Вóроны*». И действительно, не только их название — *в'элву* («вороны»), *в'элвуклолгын* («прокалывающие вороны»), но и все выполняемые ими

обрядовые действия, особенно на погребальном кострище, указывали на это.

Одна из женщин, наиболее опытная в проведении похоронных обрядовых действий, являлась главной. Ее отличительным признаком было наличие травяной повязки не только на поясе, но и на предплечьях обеих рук поверх рукавов. Вторая женщина имела только одну травяную повязку на предплечье левой руки.

Как только эти женщины надевали травяной пояс, травяные повязки на предплечья рук и брали в рот скомканный пучок травы или мох, они, как говорили информанты, «превращались в *вóронов*». Они разрезали ремешки на обуви и ремень, которым был связан покойник, отрезали узелки, обозначающие живых родственников, если это не было сделано до выноса тела из дома, бросали в сторону от костра отрезанный ремень и вытасченную из-под умершего шкуру оленя (брошенную шкуру забирала себе не родственники умершего). Самым же главным действием, которое они выполняли, было разрезание живота покойнику. Одна из женщин — *в'элву*, *в'элвуклолгын*, — чаще всего главная, поднимала его кухлянку, брала поданный второй женщиной нож умершего (умершей) и разрезала им живот от грудины до паха. Такое действие, как верили жители поселка, совершали не люди, а «это *вóроны* клевали живот». На это указывают и звуки, которые непосредственно перед разрезанием произносили *в'элву*: «Коок, коок, коок!». Кричали они, не раскрывая рта, в котором держали пучок травы. Произнесенные ими звуки действительно напоминают крики *вóронов*.

Разрезание умершему живота необходимо было сделать для сохранности внутренностей. Их отсутствие могло помешать реинкарнации человека, выяснению причины его смерти, возможности «убить злого духа-*калав'*», чтобы тот после реинкарнации не смог навредить новому человеку. Для того чтобы реинкарнация состоялась, на костер клали даже зубы, выпавшие при жизни. Чтобы тело покойника во время кремации не скрючивалось, у трупа перерезали сухожилия рук и ног.

Быть на период похорон в качестве *в'элву* могли не только пожилые и опытные в проведении этого обряда женщины, но и молодые. Иногда в наказание за плохое отношение дочери или невестки к своим близким при их жизни, родственники заставляли ее подняться на погребальный костер. Наблюдая за выполнением ею обрядовых действий на костре, родственники определяли, «долго ли она будет жить». Если она неправильно выполняла что-

либо или что-то забывала сделать, то это указывало на короткий срок ее жизни.

После завершения обрядовых действий под голову покойнику клали мешочек с обрезками шкур, оставшихся после шитья погребальной одежды, и дополнительные вещи умершего, помимо тех, что были закреплены на поясе. Детям, по словам информантов, «давали» в потусторонний мир игрушки, маленький ножичек, скребок и предметы, которыми пользовались при жизни взрослые, то есть то, что им впоследствии должно пригодиться. Спокойником отправляли и подарки для умерших родственников. Среди продуктов были сахар, чай, табак, мясо, жир оленя и др. Мужчине, любившему при жизни мухоморы, отправляли немного грибов. Не отправлялось только то, что было связано с хозяйственной деятельностью. Количество и «ассортимент» сопроводительного инвентаря определялся родственниками умершего, а «подарки» — людьми, отправлявшими их.

Если перед выносом тела из дома забывали положить умершему в рукавицу жаберную рыбью кость, перед кремацией обязательно всем, даже детям, привязывали к руке либо ее, либо кусочек ююлы. Делали это для того, чтобы покойники благополучно миновали «поселок» собак, расположенный перед потусторонним миром. С той же целью клали на грудь поверх одежды или привязывали к поясу покойника деревянный крестик *г'ытг'ыңычунэң* (дословно — «орудие, отстраняющее собаку»).

Ачайваямские оленеводы, как и коряки, верили, что умершего в потустороннем мире первыми встречают собаки, принесенные в жертву Верховному существу. Жилищем им служит большая яранга, построенная для них покойниками. Одна из собак всегда находилась перед входом в потусторонний мир. Человека, который при жизни плохо обращался с собаками, они могли не пропустить далее. Бросив ююлу или деревянный «крестик» собакам, умерший получал возможность благополучно миновать эту «преграду».

После укладки вещей, необходимых покойнику для дальнейшей его «жизни», родственники-мужчины зажигали спичками ветки кедрача или стружки, принесенные с собой, и подносили их к костру. Если костер с какой-либо стороны не загорался, то считали, что покойник не хочет, чтобы человек, находившийся на той стороне, участвовал в его сожжении. Тогда к этому месту подходил мужчина, руководивший кремацией, и одна из знающих традиции женщин. После «переговоров с умершим» горение улучшалось, и женщины *в'элву*

покидали кострище. До этого они не могли покидать кострище, так как в противном случае покойник мог «встать» и принести вред окружающим.

Только с появлением дыма *в'элву* вынимали изо рта траву или мох, снимали при помощи *г'аг'ылпэлэ* (дословно — «топорик»), сделанного из ольховой палочки с сучком, травяные повязки с пояса и рукавов одежды и отряхивали друг друга той же палочкой. Таким способом они «очищались» от вредоносных духов, которые от них могли перейти к живым. После «очищения» палочку *г'аг'ылпэлэ*, так же, как мох, травяные повязки с рукавов и пояса бросали в погребальный костер. Как только над костром умершего Р.В. Альхи появился дым, женщины, прыгая с костра, обратились к покойнику: «Не вставай, мы с тобой!». Все это сопровождалось криками-подражаниями вброду.

До тех пор, пока погребальный костер не разгорался, смотреть присутствующим в эту сторону запрещалось. Во время кремации А.С. Нутанковава, умершего от несчастного случая, нам, как людям приезжим, смотреть разрешили. В двух других случаях — при кремации Р.В. Альхи и С.П. Вувуны, умерших от болезни, смотреть не рекомендовали, «чтобы не потерять зрение». Наблюдать за кремацией в самом ее начале могли только пожилые женщины и мужчина, руководивший укладкой кострища. Он и другие мужчины при помощи длинных шестов от яранги, взятых у летнего жилища умершего или его ближайших родственников, передвигали дрова на погребальном костре, чтобы горение было более интенсивным. Остальные в это время, отвернувшись от костра, пили чай, ели ююлу, хлеб и употребляли, особенно люди пожилого возраста, сушеные мухоморы. Во время приема пищи все вели себя так, будто бы находились не на похоронах. Женщины пели свои личные песни и повторяли монотонные звуки «ко, ко, ко...». Кроме того, недалеко от места кремации, несмотря на сильный мороз, молодые парни, раздевшись по пояс, устраивали состязания в национальной борьбе, которая заканчивалась укладыванием потерпевшего лопатками на снег. Девушки и женщины состязались в беге на лыжах-ракетках по глубокому снегу.

До конца кремации родственникам, особенно детям, строго запрещалось смотреть на погребальный костер, так как считалось, что они, оплакивая смерть близкого им человека, «загораживали ему путь» и не давали уйти в мир мертвых. Верили также, что покойный может пожалеть родственников, любивших его, и людей, опечаленных его смертью, не захочет

расставаться с ними и заберет их к себе в ближайшее время. Чтобы избежать этого и стать неузнаваемыми, все участники похорон мазали свои лица сажей.

Остальным присутствующим, как только погребальный костер разгорался, смотреть на него не запрещалось. Во время кремации Р.В. Альхи я обратила внимание на то, что над его костром несколько раз пролетели черные вбóроны и затем сели недалеко. Тем самым они как будто демонстрировали неразрывную связь с покойником.

Знающие люди, смотревшие на горящий костер, определяли, своей или не своей смертью умер человек. Быстрое сторание погребальной одежды считалось хорошим признаком, указывающим на то, что человек умер своей смертью и что он, уходя от людей, забрал свою одежду. Если погребальная одежда разлеталась клочьями и покойник «раздевался на костре», то есть оставался голым, значит одежда, в которой его кремировали, была сшита не из шкур его личных оленей, либо над взятой у родственников одеждой не были произнесены правильные заклинания.

Наблюдали также за «поведением умершего». Если его руки и ноги во время сожжения не двигались — считалось, что человек умер своей смертью. Если же покойник поднимал руку, сжатую в кулак, — думали, что родственники забыли что-то сделать или не все необходимое дали ему «в дорогу». Если во время кремации покойник переворачивался лицом вниз, а такие случаи, по словам информантов, бывали, то он, как считали ачайваямцы, не мог в дальнейшем «возвратиться на землю». Имя такого умершего навсегда исключалось из обрядового гадания, которое устраивалось при определении имен новорожденных, и постепенно забывалось в последующих поколениях родственников. По движению рук и ног определяли также, что с первым дымом погребального костра покойник уходил наверх, в мир умерших.

Представление о переселении умерших в Верхний мир сохраняется в сознании пожилых людей до настоящего времени. Оленеводы севера Камчатского полуострова, в том числе и жители п. Ачайваям называют этот мир *Пэнинэлг'у* (буквально — «Предки»). Находится он, по их представлениям, на севере, и поэтому умершего человека всегда одевали в зимнюю одежду. Искры погребального костра рассматривались как холодная метель *эчв'ьялв'ьял*, которая застигала покойника в пути. Защищаясь от холода, он «закрывал» лицо нагрудником

и капюшоном, «завязывал» рукава одежды ремешками.

В мире предков покойника встречали «люди» с копиями в руках. Тем, у кого не было татуировки, слегка рассекали лицо. Но, как правило, коряжки и чукчи делали татуировку еще при жизни. Наносили ее тонкой иглой с сухожильной ниткой и женским волосом, которые натерли толченым углем, смешанным с жиром. Иглу протаскивали через кожу, как бы прошивая ее. Татуировка, считавшаяся «охранителем» человека от вредоносных духов, наносилась на болезненное место как мужчинам, так и женщинам. В этом случае изображалась обычно фигура человека.

В настоящее время татуировка *калэгыйңын* («пестрота», «узор») сохраняется только у пожилых оленеводов северных районов округа. Наносят ее иглой, в которую вставляют только женский волос, смазанный сажей. На лоб, щеки, подбородок пожилых женщин накалываются параллельные линии (от одной до четырех), над верхней губой или по краям губ — по одному крестик с каждой стороны, над глазами и в уголках глаз — стрелочки. Мужчинам и молодым женщинам ставится точка на переносице или на тыльной стороне ладони. Во время посещения умершего А.С. Нутанковава одна из присутствующих женщин сокрушалась о том, что ее сыну до сих пор не сделали татуировку на переносице, а это плохо. Татуировка, по словам информантов, «защищала» покойника от укусов собак потустороннего мира и давала возможность умершему попасть к своим предкам.

Считалось, что для вновь прибывшего умершие предки-мужчины устраивали гонки на оленях, соревнования по борьбе, игры в ручной мяч. Взявшись за «хвост» погребальной одежды, люди Верхнего мира танцевали вместе с новым обитателем. Этот танец не случайно имеет сходство с игрой «в Вбóрона — *we'veci'titkin*», зафиксированной В.И. Иохельсоном у коряков. Движения танца как бы подчеркивают, что под миром предков — *Пэнинэлг'у* — коряжки подразумевают, скорее всего, не просто мир умерших соплеменников, а мир своего предка — Большого Вбóрона, к которому возвращаются умершие. Похоронно-поминальный обряд ачайваямских оленеводов, в котором коряжские элементы весьма сильны, также является отражением этих представлений.

После танца умершего приводили в жилище родственников. Его угощали, расспрашивали о жизни на земле, интересовались тем, собирается ли кто-нибудь в ближайшее время прийти в мир умерших. Для того, чтобы не сказать лишнего, покойник употреблял сам и угощал

предков взятой с собой жевательной серой от лиственницы. С момента смерти человека и до его кремации жителям поселка строго запрещалось шить что-либо, не относящееся к покойнику, заниматься промыслом, делать что-нибудь по хозяйству; прибывший в потусторонний мир мог указать на человека, нарушившего запрет и сказать, что тот собирается к ним.

В мире предков — *Пэнинэлг'у* — умершие ведут такой же образ жизни, как и на земле. Они пасут оленей, которых для них забивают живые родственники. У них есть яранги, построенные из веток ольхи, тех самых, что были положены под покойника на месте сожжения. Там есть Луна и Солнце. Только по сравнению с земной жизнью в мире умерших все наоборот: в то время, как на земле день, там — ночь. Старый человек, пришедший туда, становится молодым, а молодой — старым. Вещи маленького размера, которые «брал» с собой умерший, превращаются в большие. В том мире люди никогда не болеют и не умирают. Они проводят жизнь в развлечениях (устраивают различные состязания, игры). Особенную радость им доставляет приход вновь умерших родственников. Подобные представления о потустороннем мире существовали не только у оленеводов северной части Камчатки, но и у многих локальных групп коряков и чукчей. Различия прослеживались только в терминологии.

Иначе объясняет дальнейшую судьбу умершего человека В.И. Иохельсон, собранные материалы которого относятся в основном к корякам Пенжинской губы и материковой части Охотского побережья. По представлению коряков, указывал В.И. Иохельсон, существует пять миров. Один из них — наша земля, *Nutalgen*. Два мира находятся над и два — под землей. Нижний из двух верхних миров населен людьми: верхний — обитель Верховного существа. Ближний из подземных миров населен вредоносными духами калау, а нижний — *Peni'nelau* — тенями умерших, то есть «предками». Два верхних мира сливаются в один, и в нем облачные люди живут вместе с Верховным существом. Нижний мир также сливается в одну так называемую нижнюю деревню, в которой на различных участках живут вредоносные существа и умершие. В глубокой древности, судя по мифологии коряков, люди свободно могли подниматься на небеса и спускаться в подземный мир. Но в дальнейшем эта способность была ими утрачена и совершать такое передвижение могли только шаманы. Простому человеку стали невидимы вредоносные существа, которые проникали на землю через

огонь очагов. Умершие спускались в мир теней через огонь мест сожжений¹.

Представление о стране теней было двойственным. «Когда главная душа поднималась к Верховному божеству, как отмечал В.И. Иохельсон, — то умерший и его другая душа, или его тень, отходят в подземный мир теней — древних людей прошлых времен (*Peni'nelau*)»².

Расплывчатость представлений оленеводов севера Камчатского полуострова, так же, как и коряков, о потустороннем мире, возможно, связана с сохранением пережитков различных стадий развития мировоззрения, наличием ряда этнических компонентов, на базе которых сложилась данная локальная группа.

Несмотря на то, что оленеводами пос. Ачайваем смерть воспринималась как «переезд» человека на новое место обитания, где он продолжал традиционную жизнь в окружении умерших родственников, отношение к покойнику было двойственным. С одной стороны, до кремации они относились к нему как к живому и, отправляя его в «дорогу», снабжали всем необходимым. Но в то же время они считали его опасным для живых и не исключали возможности превращения умершего в злого духа-*калав'*. Особенно опасались человека, бывшего при жизни злым шаманом, шаманкой или колдуньей, приносящей вред людям, а также умершего от тяжелой болезни. Для защиты себя от их влияния ачайваемцы строго следили за выполнением установленного обряда после похорон.

Перед тем, как покинуть место кремации, все присутствовавшие обходили место сожжения против солнца, отделяя, таким образом, себя от умершего человека и, затем, не оглядываясь назад, уходили, стараясь запутать свои следы. Каждый уходящий с похорон, кроме того, брал пучок сухой травы, символизирующий *уйычыт* — «жизненность человека» и веточку тальника — «жизненность домашних оленей», чтобы покойник не навредил ему, его родственникам, домашним оленям и не забрал с собой их «жизненную силу». Умершему «закрывали дорогу» в стойбище или селение, а живым — дорогу в мир мертвых, которая была открыта во время кремации. Делали это обычно две женщины, стоящие по обе стороны тропинки. Они пропускали всех уходивших с кремации и после этого опускали на землю две ветки ольхи, придавливая их двумя из пяти принесенных камней. По пути следования от места кремации до дома, где жил покойник, стояли женщины с ветками, на которых была привязана трава или куски оленьей шкуры. Они проводили такими ветками вдоль тела человека,

начиная с головы и заканчивая ногами, и «очищали» ими транспорт, на котором люди возвращались с похорон. Около жилища это действие повторяли еще раз.

Затем выполняли обрядовое действие, называемое «делать рыбу». Исполняли его женщины *в'элву* («вбронь»), которые были перед кремацией умершего на погребальном костре. Делалось это, как говорили информанты, для того, чтобы не переводилась рыба. Но, возможно, это обрядовое действие включает в себе более глубокий смысл и подразумевает возможность «воскрешения» умершего в дальнейшем.

После «очищения» и обряда с рыбой две женщины, стоявшие у входа в дом умершего, давали каждому, входящему в жилище, глоток теплой воды из ковша, а остатки выливали за левое плечо того, кто пил. Таким способом они как бы давали остатки воды покойнику. Первыми входили в жилище все присутствовавшие на кремации, а последними — женщины *в'элву*.

Жилище умершего очищалось сразу же после выноса тела. Оставшиеся в доме женщины обязательно мыли полы, мебель и все предметы, которыми пользовался умерший. К ручке на оконной раме, недалеко от места, где лежал до похорон покойник, привязывали сухожильную нить с пучком белого заячьего пуха и прядью волос умершего. Делалось это для того, чтобы жизнь в этом доме была «мягче», а умерший помогал его обитателям.

В течение некоторого времени на очищенном месте, где лежал умерший, спал родственник или несколько пожилых женщин, чаще всего женщины *в'элву*. Практиковалось также привязывание на месте, где лежал покойник, живой собаки или укладывание камня. Так умершего человека выселяли из жилища. При этом говорили: «Твое место занято, все духи ушли с тобой».

Для защиты от покойника на ночь в день похорон жители пос. Ачайваям и, в первую очередь, родственники, рассыпали на пороге дома золу и наливали мочу. Ночью старались не спать в одиночестве. Иногда близкие родственники умершего уходили на ночь к соседям, а в их доме ночевали посторонние люди.

Вещи покойника, оставшиеся в доме, перетряхивали и перекладывали потухшими углями. Если этого не сделать, то человек, надевший его вещи, мог «почернеть», так как верили, что в «неочищенных» предметах могли оказаться *виг'элг'у/виэлг'у* — останки сожженного тела. Через определенное время угли вынимали, и предметы считались безопасными для живых. С целью защиты от покойника обитатели его жилища и близкие родственники,

даже если они жили отдельно, носили различные обереги — браслеты на руках, амулеты на шее и т. п. Делали их в большинстве случаев из сухожилий оленя, в которое вплетали пух зайца. Жена умершего человека обвязывала сухожильной ниткой мизинец и соседний с ним палец и носила ее некоторое время. Женщины *в'элву* еще до выноса тела покойника из дома одевали на левую руку браслет *мынг'ак'чав кайңыг'ыч'ын*, изготовленный из сухожилия и кусочка медвежьей шкурки. После кремации его могли снять и повесить к связке семейных охранителей.

Место сожжения полагалось посетить на следующий день после обряда. Участвовать в этом нам удалось после кремации Р.В. Альхи. Пройдя до места, где умершему была закрыта дорога в поселок, мы, согласно указаниям его родственницы Зои Рутьтевнеут, остановились, дождались ее и тех, кто с ней подъехал. Они проехали не по закрытой дороге, а несколько левее, ближе к месту кремации. Приехавший с Зоей Рутьтевнеут дальний родственник умершего взял аркан, сделал на нем петлю и стал медленно продвигаться к месту кремации. Подойдя со стороны, где находилась в момент кремации голова покойника и лежали три камешка — *пэнинэллылат* (дословно — «глаза предка») и *пэнинэлийкийңын* («рот предка») — он набросил на это место петлю аркана. Здесь же поставили веточку багульника — *вальвыңичволц*. На это место было положено подношение: одна конфета, одна сломанная сигарета, немного заварки чая. После осмотра места кремации З. Рутьтевнеут сказала: «Хорошо, что остались некоторые косточки, по ним можно определить место заболевания». Одев рукавицы, родственники палками, пользуясь ими как щипцами, собрали косточки в центр места кремации. С их разрешения мы помогли им. На собранные косточки и пепел были положены сверху оставшиеся обгоревшие дрова от погребального костра и ветки. Это сооружение на месте кремации называли «ярангой» (кор. «яяңа»), в которую, как считали жители пос. Ачайваям, умерший переселялся. Уходя с места похорон, посетившие его люди уложили на землю крест-накрест ветки ольхи и придавили их сверху камнем, тем самым повторно закрыли дорогу в мир живых.

Особые обряды выполнялись при устройстве поминок, являвшихся своеобразным проявлением заботы об умершем. Ежегодные поминки оленеводов были связаны с массовым забоем личных оленей покойнику. Поминки *тэнтэ/тэнтэгыйңын*, зафиксированные мною у ачайваямских оленеводов еще в 1979 г., когда

у жителей было больше оленей, проводили за день до осеннего или зимнего праздника, но не на обычных местах кремации, а недалеко от сопки Шаманка³. В настоящее время проведение поминок зависит от времени подхода стада личных оленей к поселку, а количество забитых оленей зависит от того, сколько их осталось у покойника.

Как только истекал год со дня смерти, посещение места кремации прекращалось. С этих пор место сожжения становилось священным. На одном и том же месте, как считали оленеводы этого поселка, нельзя было кремировать умерших родственников. В противном случае они могли «набрать силу и причинить вред живым людям». Место, где хоронили человека, смерть которого была тяжелой, считалось одним из обиталищ вредоносных духов, и его старались обходить. Проходя мимо места кремации, всегда останавливались, не подходя к нему близко, и оставляли (или бросали в нужную сторону) кусочек внутреннего жира оленя, щепотку махорки, несколько штук разломан-

ных пополам папирос или сигарет. Родственник, приехавший издалека, приходил, бросал то, что принес с собой, и говорил: «Я проходил и тебе даю».

Рассмотренный в данной статье материал свидетельствует о том, что сохранение многих архаических элементов в современной похоронно-поминальной обрядности у ачайва-ямцев связано с тем, что они до сих пор не утратили традиционный тип хозяйственной деятельности — оленеводство. Исследование обрядов данного типа на примере других локальных групп, сформировавшихся на стыке нескольких культур, позволит более успешно решить многие сложнейшие вопросы этногенеза народов Северо-Востока Сибири. Похоронно-поминальная обрядность коренных этносов сибирского региона, особенно отдаленных его территорий, является для археологов, в том числе и зарубежных важнейшим источником в реконструкции культуры древнего населения.

¹ Jochelson W. The Koryak. Religion and Myths. Vol. VI. Part. I. — Leiden; New-York, 1905. — Pl. 1. P. 121.

² Ibid. — Pl. 1. P. 102, 103.

³ Горбачева В.В. Обряды и праздники коряков. — СПб., 2004. — С. 108—110.